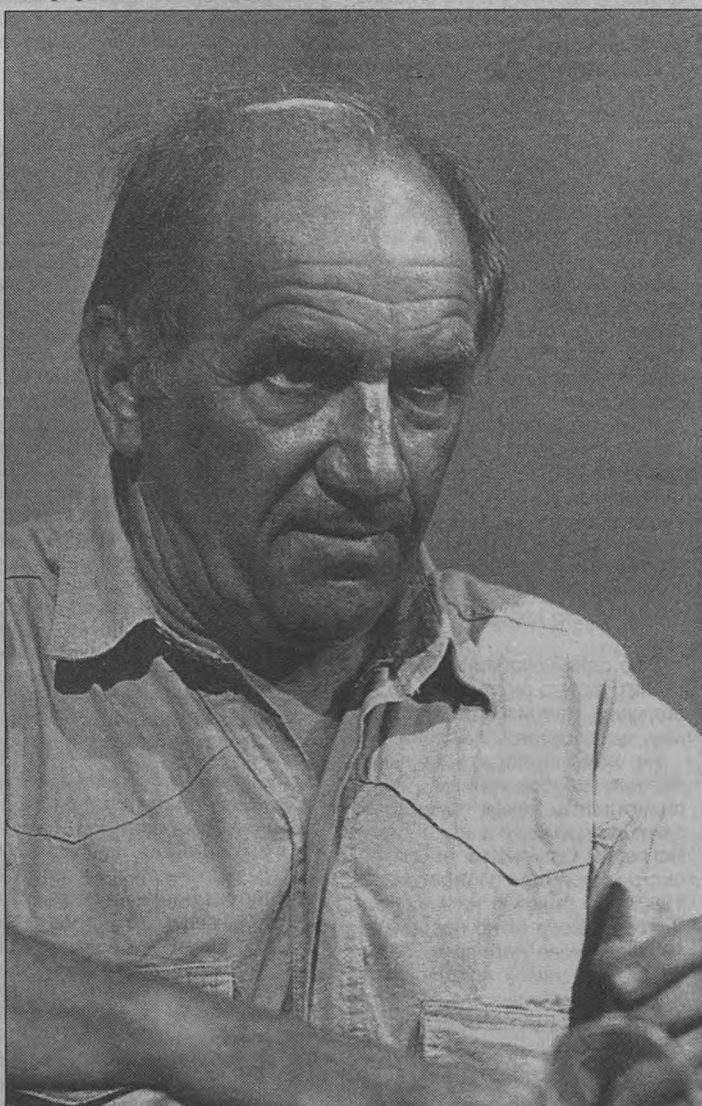

Трагический клоун Лев Дуров

В издательстве "Алгоритм" выходит книга воспоминаний народного артиста СССР Льва Дурова "Гришные записки". В ней драматические истории перемежаются трагикомическими, буффонадными, а порой и просто анекдотическими. В этом — весь Дуров, "трагикомический клоун", как его называли в Англии. И этим званием он очень гордится. Предлагаем вниманию читателей фрагмент главы "Лефортово" из книги знаменитого артиста.

Слева: Лев Дуров большой. Справа: Лева маленький

от времени дают о себе знать.

Почему меня тянет к цирку? Почему моим любимым другом был Юрий Никулин? Почему мне постоянно хочется заехать к Наташе в Уголок, просто посидеть там с ней, с ее помощниками? Чтобы тебя собачка укусила за ногу или попугай на голову накакал. Все это неосознанно приятно...

Я цирк просто обожаю. Мне там все нравится, начиная с запаха. Вот этот запах пота, опилок, навоза, зверей — он ни с чем не сравним. В театре совершенно другой запах. Кроме Театра зверей, конечно. Люблю побродить за кулисами цирка, и, так как я — Дуров, меня не гонят. Люблю смотреть, как разминаются акробаты, как отдыхают в своих клетках звери.

Очень люблю коверных. Мне кажется, что если б я этим занимался, то был бы неплохим коверным. Когда я как-то выразил эту мысль Юрию Владимировичу Никулину, он поддержал меня:

— Да, — сказал он, — ты был бы хорошим коверным.

Банальные слова, но цирк — действительно поистине народное зрелище. Я обратил внимание, как иностранцы рвутся именно в цирк. И вот смотришь: сидит рядом и московская интеллигенция, и нью-йоркская, и лондонская. И тут же сидят рабочие, люди из провинции, крестьяне, детишки. И почти все получают одинаковое удовольствие.

Ну, может быть, я как профессионал увлечиваю в репризах чуть больше, чем неискушенный зритель: ведь все эти неуловимые нюансы реприз и есть украшение действия. А кто-то смотрит просто широко раскрытыми глазами. Детскими глазами. Наверное, так и надо смотреть — наивно-доверчивым взглядом. Но, увы, уже не всегда получается видеть искусство детскими глазами...

Если говорить серьезно, то я думаю, что изначальные истоки театра следует искать в цирке. Когда-то, в незапамятные времена, на городской площади появлялся акробат и удивлял окружающую его толпу незамысловатыми гимнастическими упражнениями. Потом появились мимы, их сменили мистери, а уж из мистерий, скорее всего, и родился театр Древней Греции. И все эти огромные греческие театры были построены, наверное, гораздо позже того, как на площади вышел первый акробат.

Я заметил, что, если на сцене удастся соединить трагизм с эксцентрикой, происходит эмоциональный разряд огромной мощи. Поэтому я часто использую в своих спектаклях цирковые элементы. У меня вот, скажем, в спектакле "Весельчаки" по Нилу Саймону работали акробаты братья Воронины. И в спектакле "А все-таки она вертится" и живые собаки бегали, и в руке актера огненный шар загорался, и НЛО летали. Мечтаю поставить спектакль с элементами цирка и эксцентрики. Надеюсь на помощь Никулина, который мог бы подсказать мне какие-нибудь оригинальные трюки, остроумные репризы. Но, увы, уже и Юрия Владимировича не стало, а я все вынашиваю свою мечту...

Но как бы там ни было, эту мечту я все же претворю в жизнь. К этому меня обязывает почетное звание "трагический клоун". Да-да, есть у меня среди прочих и такое вот звание. И присвоили мне его не партия и не правительство — его я получил в Англии.

На Эдинбургский фестиваль мы привезли "Женитьбу" Гоголя, которую поставил А.Эфрос. И меня там в одной газетной рецензии назвали — всякие лестные эпитеты были, но Бог с ними, — "трагическим клоуном". Это стало для меня высшей наградой. Подумал тогда: "О, как это замечательно, если это действительно так. И не нужно мне никакого другого звания, все эти казенные "заслуженные", "народные" — чушь!" Автор рецензии писал, что этот спектакль стоит посмотреть хотя бы из-за того, что в нем занят "трагический клоун Лев Дуров". И для меня это звание стало самым высоким.

Я считаю Чарли Чаплина гением в нашем деле. Ведь кто он такой? Трагический клоун! Я, конечно же, не могу да и не хочу сравнивать себя с Чаплиным. Но если меня называли так, значит — чего-то я стою.

Вряд ли имя швейцарца Франца Яковлевича Лефорта осталось бы в памяти москвичей, если б не слобода не левом берегу Яузы, где стоял триста лет назад полк этого сподвижника Петра Великого. Она так и называлась: Лефортовская слобода. А уж потом этот исторический район стали называть совсем просто: Лефортово. Вот там и прошло мое детство на 2-й Бауманской улице, старое название которой было не совсем благозвучным: Коровий брод.

Боже мой, в какую же даль завела меня память — на целых три века назад! Но что мне швейцарец Франц Яковлевич, если, отбросив еще страницу истории длиною в век, я увижу своего предка, выборного дворянина из города Романова, который участвовал в избрании царя Михаила Федоровича — дедушки Петра Великого. Это уже 1613 год. Как сказано в Общем гербовике Всероссийской империи, "фамилии Дуровых многие служили Российскому престолу дворянские службы и жалованы были от государей в 1629 и других годах поместьями".

Но об этом, конечно, в пору моего сопливого детства я и понятия не имел. Наверное, тогда так и надо было: меньше знаешь, дольше проживешь.

Недавно ко мне в театр приходит один господин и спрашивает:

— Лев Константинович, а почему бы вам не вступить в наше Дворянское собрание?

И тогда я ему сказал:

— Если ты собираешь под свои знамена всех прохожих, так перелистай сперва Гербовник или хотя бы загляни в него. Его шестую часть занимает родословная потомственных дворян Дуровых. Тогда бы не было тебе нужды задавать мне глупые вопросы.

Я это говорю не из хвастовства: вот, дескать, какой я "потомственный"! Просто неприятно наблюдать, как взрослые люди играют в детские игры: в дворян, в князей, в графинь, черт знает в кого еще!

Я никогда не искал встреч со своими именитыми родственниками, не напрашивался к ним ни в братья, ни в племянники. Если уж говорить честно, я с ними познакомился довольно поздно и по чистой случайности.

Конечно, я с младых ногтей знал, что принадлежу к известной цирковой династии: отец же — Дуров. Когда я был еще маленький, в семье что-то говорили о цирке, но я не очень-то обращал внимание на эти разговоры. Мои родители не имели к искусству никакого отношения: мама работала в военно-историческом архиве, отец — во "Взрывпроме", где занимался мирными взрывами.

И вот однажды играю в одном доме отдыха в пинг-понг. Подходит высокий стройный красавец и говорит:

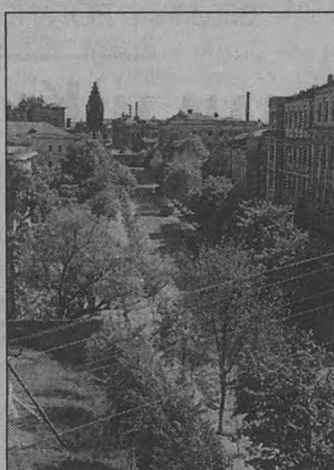
— Здорово, брат.

Я думал, что он шутит, и отвечаю также шутя:

— Здорово, брат.

А он мне:

— Лева, да я на самом деле твой брат!

2-я Бауманская улица, бывший Коровий брод

Оказалось, это Пров Садовский. А со знаменитой артистической династией Садовских Дуровы в родственных отношениях: дочь Владимира Леонидовича Дурова, стало быть, моя тетушка Анна, когда вышла замуж за артиста Малого театра Прова Михайловича, то стала носить фамилию Дурова-Садовская.

Конечно, их сына, тоже Прова, как актера я не мог не знать, но никогда даже не предполагал, что он мой брат.

А с Натальей Юрьевной мы познакомились при довольно интересных обстоятельствах. Я пришел в Верховный Совет РСФСР получать звание народного артиста. И вдруг подходит ко мне красивая женщина и неподражаемо приятным голосом говорит:

— Вот, брат, какой у нашей династии сегодня большой праздник...

Она в роскошном платье, но я увлечиваю не только аромат дорогих духов, но и запах зверей. И тут я сообразил, что это та самая Наталья Дурова, которую я видел по телевизору. С этой минуты мы стали с ней близкими друзьями.

Мы все дружим. Хотя, как ни странно, не знаю почему, но часто между цирковыми артистами не бывает такой однодинастной дружбы. Ведь не секрет, что наши деды, великие клоуны Анатолий и Владимир, не слишком-то жаловали друг друга.

Я иногда задаю сам себе вопрос: почему выбрал театр, а не цирк? Видно, это тот случай, когда, не находя ответа, пытаешься все объяснить одним, ничего не проясняющим словом — судьба.

А если серьезно, то, наверное, просто никто не позвал в нужный момент. Если бы кто-то поманил пальцем, я наверняка оказался бы в цирке. Может быть, даже униформистом — кто знает! Эта пресловутая судьба могла сложиться по-разному. Я ведь знаю: цирк — заразная такая, даже страшнее, чем театр. Кто попадает в цирк, оттуда не уходит.

У меня с цирковыми отношения складываются мгновенно. Вот только увидел человека — бац, и готово, и я уже влюбляюсь в него, и дружба навек. Наверное, бродят во мне эти цирковые гены, будоражат кровь и время

Фото Н.САМОЙЛОВА